

АННЕ МЕТТЕ ХАНКОК

ТРУПНЫЙ ЦВЕТОК

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44
X19

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Anne Mette Hancock

CORPSE FLOWER

Corpse Flower, Anne Mette Hancock and Lindhardt og Ringhof Forlag
A/S, 2017

Редактор серии *Ю. Чернова*

Оформление серии *Я. Паламарчук*

Ханкок, Анне Метте.
X19 Трупный цветок / Анне Метте Ханкок ; [перевод с датского М. В. Шершаковой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-04-110463-4

Журналистка Элоиза Кальдан получает серию загадочных писем от Анны Киль, бесследно исчезнувшей женщины, осужденной несколько лет назад за убийство адвоката.

Несмотря на то что ее собственная карьера под угрозой, Элоиза с помощью полицейского Эрика Шефера из Копенгагена начинает раскапывать старое дело, потому что понимает, что на карту поставлена и ее жизнь тоже.

«Трупный цветок» — это по-скандинавски жесткая история двух сильных женщин, история преступления, мести и возмездия.

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-110463-4

© Шершакова М.В., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Анне часто снилось, как она его убивает. Беззвучно подкрадывается и решительно вонзает нож ему в горло. Поэтому она не проснулась в холодном поту, а просто медленно смахнула с себя очередной сон, после которого у неё перед глазами ещё мелькал калейдоскоп жестоких сцен, а в сердце оставалось чувство восторга.

Всё кончено?

Она немного полежала в темноте, привыкая к реальности, а потом посмотрела на часы, стоявшие на кафельном полу рядом с кроватью. Часы показывали 5:37. Это было самое позднее, когда она просыпалась с тех пор, как поселилась в этом доме.

В галерее старого монастыря на соседней улице раздался собачий лай: два коротких тьявканья, сдавленный вой, а когда он оборвался — полная тишина. Анна приподнялась в постели на локтях и мгновение внимательно прислушалась. Она уже собиралась снова лечь, когда послышался хриплый шум двигателя и к дому медленно подъехала машина.

Она быстро поднялась и подошла к окну. Волна беспокойства прокатилась по её телу. Она приоткрыла одну из ярко-зелёных ставен, так что утреннее солнце прорезало сумрак комнаты тонким лучом, и посмотрела на улицу. За исключением кота, который лениво покачивал хвостом, сидя на стене заросшего внутреннего дворика у здания напротив, улица Труа Шапон была пустынна.

Взгляд Анны скользнул по соседним домам и остановился на окне на первом этаже одного из них. Оно было широко распахнуто. Она впервые увидела какие-то признаки жизни в этом занесённом пылью здании: обычно все окна там были закрыты. Казалось, что тёмная дыра в стене уставилась на неё, как глаз.

От страха у неё закололо пальцы и застучало в ушах.

Это он? Они нашли меня?

Она продолжала следить за происходящим на улице, укрывшись за ставнями, пока дыхание не выровнялось. Тогда она успокаивающе кивнула сама себе. Внизу никого не было. Никто не прятался в тени.

В целом вообще мало кто ходил по этой улочке. Улица Труа Шапон тянулась от церкви на площади до главной улицы города и была узкой и извилистой. Раскинув руки, можно было легко дотронуться до каменных стен по обе её стороны. Сладковатый смрад прозрачно намекал, что именно здесь бездомные кошки искали убежища по ночам. Они шныряли здесь в поисках компании, жалобно мяукая. Но вот людей Анна видела не особенно много. Не в этом закоулке.

Она закрыла окно и, обнажённая, поднялась по неровным каменным ступеням. На террасе на крыше она открыла кран, и садовый шланг заизвивался по плитке. Анна подобрала шланг и умылась под его струёй. От холодной воды тёплому после сна телу было больно, но она не обратила на это внимания.

Она отряхнула с себя воду и расчесала мокрые волосы руками. Затем прижала кончики пальцев к впалым щекам и стала рассматривать своё отражение в стеклянной двери террасы. Она похудела. Не сильно — пожалуй, не больше чем на три-четыре килограмма, — но грудь стала меньше, на руках проступили вены, а лицо сузилось. Она не могла понять, на кого больше похожа: на ребёнка-переростка или пожилую женщину. В любом случае эти мысли заставили всё внутри её перевернуться.

Она надела платье из джерси и эспадрильи и спустилась на кухню, где нашла большой кусок багета и банку с вареньем из инжира. Она ела, стоя у окна и прислушиваясь к грохоту, доносившемуся с рыночной площади, где торговцы заканчивали устанавливать свои палатки.

Она отправила письмо вчера.

Анна ехала в Канны долгих три часа. Сначала она получила посылку «FedEx» в почтовом отделении на улице Мимон

и, вернувшись в машину, тотчас же вскрыла пакет, чтобы убедиться, что деньги внутри. Затем бросила письмо в почтовый ящик и поехала обратно на улицу Труа Шапон. Через несколько дней она отправит ещё одно письмо. А потом ещё одно. А пока остаётся только ждать. И надеяться.

Съев последний кусочек багета, Анна надела кепку, взяла рюкзак и вышла из дома. Она дошла по главной улице до рынка, где и остановилась посреди палаток и торговцев, вбирая в себя жизненную энергию.

Вокруг маленького шаткого складного столика собралась кучка детей. На столике стояла картонная коробка, а в ней лежал козлёнок, ласкаемый роем нетерпеливых рук. Крепкий мужчина в комбинезоне втиснулся между парой мальчиков-близнецов и сунул бутылочку с соской в рот козлёнку, а тот с благодарностью стал жадно пить. Свободной рукой мужчина протянул пластиковую корзинку родителям, которые улыбались восторгу своих детей. Они неохотно выудили из карманов несколько монет и побросали их в корзину. Мужчина машинально поблагодарил и тут же вытащил бутылочку изо рта голодного козлёнка, так что молоко брызнуло во все стороны.

Анна долго стояла, наблюдая за тем, как этот отвратительный человек проделывает одно и то же снова и снова. Она уже собиралась пойти и отобрать у него бутылочку, когда её взгляд упал на пожилую пару, сидевшую под небесно-голубыми глициниями в кафе на противоположной стороне улицы. Лысый мужчина в кислотно-жёлтом поло был увлечён чем-то, напоминавшим круассан на сливочном масле. Внимание Анны привлекла рубашка мужчины, но взгляд её остановился не на нём, а на маленькой круглощёкой даме за соседним столиком.

Во что была одета дама, Анна не заметила. Она видела только камеру, которую та держала перед собой, и удивлённый взгляд, устремлённый прямо на неё.

Анна повернулась, сдерживая шаг, дошла до ближайшего угла улицы и завернула за него.

А потом побежала.

— Это не то же самое. Даже *близко* не похоже! — детектив Эрик Шефер недоверчиво посмотрел на свою коллегу, сидевшую по другую сторону стола.

Они с Лизой Августин работали вместе уже почти год, и ни дня не проходило без дружеских, но весьма жарких споров то о ведении дела, а то и о чём-нибудь менее важном. Сегодняшний день не был исключением.

— Ну всё, хватит, — ответила она. — Ты просто из другого поколения, по-другому воспитан и поэтому привык думать иначе. Общество нам всем промыло мозги, чтобы мы считали одно совершенно нормальным и социально приемлемым, а другое записывали в ту же категорию, что и растрату государственных средств или непредумышленное убийство. На самом деле нет никакой разницы — просто мы по необоснованным причинам стали считать, что она есть.

Августин доказывала свою точку зрения, размахивая половиной бутерброда с индейкой, который доедала.

— Хорошо, давай попробуем ещё разок, — сказал Эрик Шефер. — Ты говоришь, что секс и массаж — это одно и то же?

— Я говорю, что и то и другое — это физическое удовольствие очень интимного характера. Давай представим, что вы с Конни оба забронировали сеанс массажа.

— Идея показалась Шеферу более чем маловероятной.

— У тебя массажист — женщина, у неё — мужчина. Каждого из вас проводят в маленькую слабоосвещённую комнату, где стоит нечто, похожее на кровать. Вы снимаете одежду и позволяете совершенно незнакомому человеку водить смазанными маслом руками по вашему обнажённому телу. Пахнет розовым маслом, играет приятная медитативная музыка, и вы лежите отдельно друг от друга и думаете: «О, отлично, продолжай, да, вот тут, чёрт, как хорошо».

— У тебя на подбородке горчица. — Шефер сухо посмотрел на неё и показал на жёлтое пятно.

Она вытащила скомканную салфетку из пакета с постером фильма «Бульвар Сансет» и вытерла подбородок, продолжая аргументацию.

— После этого вы встречаетесь, оплачиваете счёт и рассказываете друг другу, как вам было хорошо. Вы чувствуете себя прекрасно как никогда, и ни один не обвиняет другого в том, что его физически удовлетворил незнакомец. Боже мой, да, наоборот, вы сходитесь на том, что следовало бы делать это почаще.

Она подняла руки и пожала плечами, подчёркивая, что нужно быть совершенно безграмотным, чтобы не понимать очевидных вещей.

Шефер хлопал глазами.

— То есть ты считаешь, что массаж должен быть запрещён так же, как и секс с кем-то, кроме своего партнёра?

— Нет, чёрт побери, Шефер. Я имею в виду, что и то и другое должно быть одинаково законно.

Эрик Шефер вытаращил глаза.

— Это научно доказано, — продолжала она. — Если бы в отношениях было меньше ограничений, это увеличило бы удовлетворённость браком и люди были бы гораздо менее склонны к разводам. В частности, если бы жёнам позволялось развлекаться с кем-нибудь помимо их собственных мужей.

— Сколько же в тебе дерьма!

Августин громко рассмеялась.

— Это просто потому, что у тебя мозг как у мужчины, — продолжил Шефер, намекая на то, что Лиза Августин в свои 28 лет уложила в постель больше женщин, чем он за свою почти вдвое более долгую жизнь.

— Ты мне не веришь?

Она сделала пол-оборота в офисном кресле и начала стучать по клавиатуре, чтобы найти подтверждение своим словам, когда зазвонил телефон Шефера.

— Спасён звонком¹, — засмеялся он, поднимая трубку. — Алло?

— Добрый день, тут какая-то женщина хочет с тобой поговорить.

---

¹ Отсылка к старым правилам бокса, когда звук гонга останавливал счёт, а на восстановление боксёру давалась минута.

Шефер узнал голос одного из дежурных на первом этаже полицейского участка.

— Как её зовут?

— Она отказывается называть своё имя.

— Отказывается? — спросил Шефер. — Что это, чёрт возьми, значит?

Августин перестала печатать и с любопытством взглянула на него.

— Говорит, что у неё есть что-то важное для тебя. Что это касается одного из твоих дел об убийстве 2013 года.

Шефер регулярно получал электронные письма и телефонные звонки от людей, которые считали, что могут помочь следствию информацией, но чтобы кто-то заявлялся в участок — это было редкостью. И ещё реже заходила речь о таких старых делах.

— Хорошо, попроси кого-нибудь из охранников проводить её на третий этаж в комнату для допросов № 1.

Он повесил трубку и встал.

— Кто это был? — спросила Августин, кивком привлекая его внимание к пуговице брюк, которую он незаметно расстегнул под столом за завтраком, чтобы освободить место для живота.

— Моя жена, — ответил Шефер. Он втянул живот и застегнул штаны. — Она только что покувыркалась с садовником, поэтому считает, что я тоже заслужил массаж. Массаж головы. И массажистка уже поднимается.

3

Пять дней подряд сентябрьские дожди проливались на Копенгаген неуловимыми, почти бесшумными лучами. Лето, которое уже давно закончилось, было в этом году более серым, чем обычно, и казалось, что времена года просто сменились одной длинной, грязной осенью.

Элоиза Кальдан закрывала окно на кухне, по раме которого стекала вода, когда её мобильный телефон зажужжал на обеденном столе. Он почти непрерывно звонил по выходным.

На этот раз на экране высветился неизвестный номер, поэтому она отклонила звонок и бросила тёмно-зелёную капсулу в кофемашину «Nespresso». Машина тут же брызнула чёрным как смоль лунго.

Из гостиной был виден большой изумрудно-зелёный купол Мраморной церкви. Старая квартира в мансарде углового дома на улице Ольферта Фишера не была ни просторной, ни привлекательной, когда она стала вкладывать в неё средства в своё время. Тогда там не было даже душа, а старая кухня, теперь любимое место Элоизы, была прямо-таки отвратительной. Но с маленького балкона гостиной открывался вид на Мраморную церковь, а это был один из немногих критериев, которые она указала агенту по недвижимости: купол должен был быть виден хотя бы из одного окна.

В детстве, когда Элоиза проводила выходные с отцом, этот купол был их местом. Раз в две недели в субботу они ходили есть пирожные со взбитыми сливками и пить горячий шоколад в «Кондитори Ля Гляс», там отец объедался тортом «Отелло» и очаровывал официанток, прежде чем пойти с Элоизой по улице Бредгаде к церкви. Там они поднимались по винтовой лестнице и проходили по скрипучим половицам под перекрытиями крыши, чтобы занять одну из скамей на галерее.

Взявшись за руки, они любовались видом Копенгагена, иногда укрытого снегом, иногда купавшегося в солнце, но в основном просто серого и ветреного. Отец показывал Элоизе исторические здания и рассказывал длинные, захватывающие истории о датских королях и королевах. Она слушала, и глаза её громко говорили, что он самый милый и самый умный человек на свете, а ещё каждый раз он учил её трём новым словам, которые она должна была практиковать до их следующей встречи.

— Так, сейчас посмотрим, — говорил он, послушав указательный палец и делая вид, что вдумчиво листает невидимый справочник. — Ага! Сегодняшние слова — «вертопрах», «барокко» и... «роскошный».

Затем он объяснял значения этих слов и приводил примеры забавных контекстов, в которых их можно было использовать, а Элоиза бессознательно впитывала знания. Ей нравились эти минуты наедине с отцом на куполе церкви, и именно там, прижавшись к его толстому животу, плывя в потоке слов, она впервые заинтересовалась искусством рассказывать истории. В первой квартире Элоизы, куда она переехала ещё совсем молоденькой, вид на купол открывался из окна спальни. Со временем он стал для неё талисманом, напоминанием о безопасном и наполненном смыслом детстве. Это была одна из тех вещей, по которым Элоиза больше всего скучала, когда оказывалась вдали от дома.

Но у неё редко получалось заглядывать в Мраморную церковь утром в понедельник. Обычно в это время она была на редакционном собрании в газете, где обсуждались главные темы недели и планировались очередные расследования.

Обычно, но не сегодня.

На кухонном столе лежали утренние газеты. Первую полосу каждой из них занимало дело Скривера.

Она открыла вторую страницу газеты «Demokratisk Dagblad», где работала последние пять лет, и прочитала заголовок. Главный редактор Миккельсен выражал сожаление по поводу статьи, опубликованной несколькими днями ранее, о причастности гиганта моды Яна Скривера к экологической катастрофе на текстильной фабрике в Бангалоре, где использовали труд несовершеннолетних. «Мы были слишком доверчивы в погоне за истиной», — писал он. Это было пафосное, хорошо срежиссированное умывание рук, единственной целью которого было придать газете честный и нейтральный вид, а прежде всего — снять с себя ответственность.

Это было вполне справедливо. Это была ответственность не главного редактора — это была её ответственность. Это она написала ту статью, это она опиралась на некий источник в правительстве и позволила чувству, похожему на доверие, победить профессиональную дотошность.

Как, чёрт возьми, она могла быть такой глупой? Почему она не перепроверила информацию дважды, трижды? Почему она просто поверила ему?

Мобильный телефон снова начал вибрировать. Этот номер она сбросить не могла. Она подождала, пока телефон прозвонит три раза, и ответила усталым голосом:

— Кальдан, слушаю.

— Привет, это я. Ты что, спала? — Голос Карен Огорд, её редактора, звучал на другом конце провода слегка напряжённо.

— Нет, с чего ты взяла?

— Голос какой-то хриплый.

— Нет, я давно встала.

Элоиза не спала большую часть ночи и допила остатки белого вина, которое они с Гердой открыли днём. Она прокручивала в голове каждую деталь произошедшего, пытаясь представить себе чёткую общую картину. Однако, как она ни старалась, всё оставалось туманным и размытым. А может, ей просто не нравилось то, что она видела? Она, журналист — очень способный журналист, — и вдруг такая ужасная ошибка. Это совсем на неё не похоже. Она была страшно зла и на себя, и на него.

— Я знаю, что ты хотела взять выходной сегодня, — сказала Карен Огорд, — но Лопата хочет тебя видеть.

Карл-Йохан Скоул, скользкий, похожий на садового гнома тип, более известный в редакции как «Лопата», занимал в «Demokratisk Dagblad» должность специалиста по связям с общественностью и рассматривал жалобы на ошибки в газетных статьях. Если он постучался в твою дверь — значит, впереди длинный день, иногда — длинная неделя, а в худшем случае — завершение карьеры.

— Опять?

Элоиза закрыла глаза и откинула голову. Мысль о том, что придётся снова в подробностях обсуждать дело Скривера, была невыносима. Они делали это уже три раза.

— Да, тебе нужно прийти, чтобы мы наконец могли покончить с этим. Он хотел бы задокументировать ещё не-

сколько мелочей, чтобы можно было работать дальше. Это и в твоих интересах.

— Буду через пятнадцать минут, — сказала Элоиза и повесила трубку.

Она сняла чёрную кожаную куртку с крючка в прихожей, пнула большую кучу рекламных брошюр, лежавших на коврике, и захлопнула за собой входную дверь.

Офис «Demokratisk Dagblad» располагался на улице Сторе Страндстред в здании, носившем статус памятника архитектуры, и его старомодный монархический облик соответствовал консервативному профилю газеты. В здании были высокие сводчатые потолки, обои ручной работы на стенах и настолько тонкие стёкла в старых окнах с декоративной раскладкой, что зимой Элоиза постоянно тряслась от холода.

Она оставила велосипед у офиса и поздоровалась с парой молодых парней из отдела продаж, которые сидели на противоположной стороне улицы на скамейке возле кафе и курили, укрываясь под навесом от дождя. Чёрный парус тяжело простирался над ними. Он был до краёв наполнен водой, и дождь потоком стекал вниз по металлическим оттяжкам. Элоиза стояла и смотрела на ткань паруса, ожидая, что он вот-вот лопнет над их головами.

Один из парней ответил на её приветствие смешком: «Эй, Кальдан, ну что там?»

Сосед наклонился к нему, не сводя глаз с Элоизы, и прошептал что-то, что заставило их обоих рассмеяться. Она отвернулась, провела пропуском по электронному считывателю справа от входной двери и ввела личный код. Дверь издала жужжащий механический звук и медленно открылась.

Элоиза решила подняться в редакцию по лестнице и взбежала на четвёртый этаж, прыгая через две ступеньки. Карен Огорд уже ждала её на лестничной площадке. У них всегда были хорошие отношения — здоровые и крепкие рабочие

отношения, — и Элоиза уважала её как журналиста и как человека. Однако эти отношения никогда не были доверительными. Элоиза знала, что Огорд замужем, что она живёт в Хеллерупе и что её сын служит в армии, но, помимо этого, не имела никакого понятия о её частной жизни. Как и редактор — о её. Это был тот уровень близости, который идеально ей подходил — особенно сегодня.

— Давай угадаю: ты не веришь в зонтики, в этом дело? — Огорд вопросительно смотрела на мокрую одежду Элоизы.

Элоиза улыбнулась и слегка отряхнулась от дождя.

— Нет, я ещё не настолько взрослая.

— Полагаю, ты читала сегодняшнюю колонку главного редактора?

— Да.

— И?

Элоиза пожала плечами.

— А что ещё Миккельсену оставалось написать?

— В этом ты, может, и права, конечно. Но он был чертовски зол, когда я разговаривала с ним на днях. Если бы не тот факт, что именно ты сделала в этом году столько крупных расследований для нашей газеты, то, думаю, тебя бы выгнали. Честно говоря, я всё ещё не уверена на сто процентов, что тебе удастся оправдаться.

— Спасибо, это были именно те ободряющие слова, в которых я так нуждалась. — Элоиза открыла дверь в опенспейс. — После вас, шеф.

— Тебе ведь больше нечего рассказать, кроме того, что ты уже рассказывала? Я имею в виду, нет ли чего-нибудь такого, что мог бы накопать Лопата и о чём я не знаю?

— Например?

— Не знаю, чего угодно, что выставило бы тебя в ещё худшем свете, чем раньше. И, должна сказать, короткое «нет» очень бы меня устроило. — Карен Огорд посмотрела на неё поверх роговой оправы очков.

Смутные образы обнажённых тел, влажной кожи и солёных поцелуев пронеслись перед внутренним взором Элоизы, как слайд-шоу. Она была готова идти на эту встречу, потому